

Не исключая возможности выявления некоторых первоначальных исторических импульсов, было бы неправомерно ждать большего от изучения вопроса об исторических соответствиях. Французско-греческие рыцарские романы созданы прежде всего в согласии с законами литературного жанра и греческими художественно-риторическими традициями переработки и переосмысления памятников, привнесенных извне.

В случае с «Флорием», где возможно прямое сопоставление греческой редакции с западным прототипом (итальянским текстом), очевидна направленность творчества византийского редактора: отдельные строки оригинала дают ему толчок и для привнесения в текст столь типичных для греческого романа экфрасисов и риторически-увещательных пассажей²², и для обогащения действия эмоционально-риторическими красками греческой народной поэзии. Приближаясь к греческому фольклору, романы в то же время во многом сохраняют западный характер, становясь таким образом типичными памятниками своего времени со своеобразным очарованием причудливой и загадочной латинско-греческой рыцарской стихии. Отметим одну деталь: в последних строках «Флория» сказано о том, что после свадьбы Флория и Плагия-Флоры, отпразднованной в Испании родителями героя, весь народ обращается «в веру католическую православных римлян». «Вера католическая римлян» итальянского текста, превратившаяся под пером греческого редактора в «веру католическую православных римлян», вызвала разногласия среди ученых. К. Крумбахер полагал, что отец Флория вместе со всем своим народом обратился в католичество, а Гесселинг считал, что все они были обращены в ромейское, т. е. византийское, православие. Криарас же думает, что здесь говорится лишь об отказе отца Флория от его прежней веры и принятии христианства. Не исключено, однако, что греческий редактор, имея в виду сложность своей читательской аудитории, в которой могли быть и православные, и католики, и греки, и эллинизированные франки, постарался сказать так, чтобы каждый мог толковать текст по своему усмотрению.

Безусловно, в рассматриваемую эпоху роман был самым популярным, распространенным в широкой читательской среде жанром. Этот жанр продолжает жить во всем богатстве его форм, сложившихся в течение его многовековой истории, видоизменяясь в соответствии с литературными вкусами времени, языковой ситуацией, идейно-художественными запросами читателей.

Среди существовавших издавна и видоизменявшихся текстов известен в первую очередь «Роман об Александре», восходящий в основном к Псевдо-Каллисфену. Переработанный неизвестным редактором в XIII—XIV вв., роман восхваляет подвиги великого царя и полководца, рассказывает о его воспитании Аристотелем, уме и мужестве, о его войнах, походе в Индию, об удивительных приключениях и, наконец, о трагической смерти от рук изменников. Помимо истории Псевдо-Каллисфена, источником этой византийской поэмы, содержащей 6120 строк, послужила и Хро-330ника Георгия Амартола, и поздние сказания, обогащенные, как видно, и фантазией самого редактора.

В Византии, как и в других странах Востока и Запада рассматриваемой эпохи, продолжается чудесная жизнь «Варлаама и Иоасафа» — в сущности жизнеописания Будды, переработанного в душеполезный христианский роман²³.

Из книг восточного происхождения продолжали пользоваться широкой популярностью восходящий к индийской «Панчатантре» «Стефанит и Ихниллат» — кладезь восточной житейской мудрости, превосходный памятник «звериной» (басенной) литературы — и «Книга Син-

²² Особенно наставления родителей при прощании с сыновьями: в обоих романах они преподносятся в духе византийского дидактического памятника «Спанеас».

²³ Вопрос об авторстве греческого романа «Варлаам и Иоасаф» стал предметом полемики в связи с его двумя средневековыми атрибуциями: Иоанну Дамаскину (VII в.) и Евфимию Иверу (Грузину) — монаху Афонского Иверского монастыря (XI в.). Атрибуция романа Иоанну Дамаскину сделана, возможно, по аналогии с попытками приписать ему авторство и ряда других произведений, как одному из наиболее почитаемых писателей. В средние века по традиции имена отцов церкви и других видных писателей приписывались сочинениям, которых эти авторы не писали (см.: Лурье Я. С. «Стефанит и Ихниллат» в русской литературе XV в. // Стефанит и Ихниллат: Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII вв. / Пер. с греч. Е. Э. Гранстрем, В. С. Шандровской. Изд. подг. О. П. Лихачева, Я. С. Лурье. Л., 1969. С. 158—188; Хинтибидзе Э. Г. Грузино-византийские литературные взаимоотношения. Тбилиси, 1989. С. 197).